

Марина Алексеева

**В поисках
Тартарии**

Марина Алексеева

В поисках Тартарии

<https://litres.ru/74019294>

SelfPub; 2026

Аннотация

В провинциальном городке Серебрянка, где время течёт по своим законам, а тишина морозных улиц хранит вековые тайны, айтишник и альтернативный историк Леонид Завалишин, работающий над книгой о загадочной Тартарии, находит в витрине антикварной лавки необычный артефакт — часы с семнадцатью делениями и одной стрелкой.

С этого момента его размеренная жизнь кардинально меняется. Слежка, шантаж, давление властей, расследование, уходящее корнями в глубь веков. Игра, в которую он втянут, смертельно опасна: частные сыщики, Интерпол, государственные структуры и те, кто хранит тайну забытой цивилизации.

Сможет ли обычный программист найти вход туда, где никто не был столетиями?

Мистический триллер с элементами исторического детектива.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Марина Алексеева

В поисках Тартарии

Глава 1

Морозная тишина на пустынной улице нарушалась лишь скрипом лопаты по свежавывавшему снегу. Запах дыма из печных труб смешивался с морозной свежестью. Белесые клубы пара вырывались изо рта молодого мужчины, рассчитывающего путь к дороге от небольшого зелёного домика с резными ставнями. Леонид Викторович Завалишин чистил снег у дома матери в старом квартале, где частные домики стояли вперемешку с малоэтажными домами постройки прошлого века. Напротив и чуть наискосок через дорогу застыл полуразрушенный старинный особняк – двухэтажное здание с колоннами. Леонид с детства называл его каменным зверем, который спал беспокойным сном забытой империи. Теперь, за шапками снега на ветвях могучих лип, за инеем, осевшим на фрагментах уцелевшей металлической ограды, здание не казалось устрашающим, скорее – таинственным.

Теперь Леонид жил отдельно от матери, в центральной части их старинного провинциального городка, любимого с детства. Три года назад после окончания столичного университета и двух лет, проведенных в офисном улье айти-ком-

паний, он вернулся в родную Серебрянку. Здесь, в тишине приобретённой квартиры, можно было работать удалённо, а главное – думать. Писать свою книгу о Тартарии. Той самой, про которую он слышал, что вычеркнули из учебников, но следы которой, как верил, остались в странностях старых карт и обрывочных сведениях. Серебрянка с её старинными зданиями, провинциальным укладом и рекой, помнящей баржи прошедших веков, была идеальным местом для таких размышлений.

Раздался гул мотора. Леонид поднял голову и увидел, как на улицу въехала вишнёвая «девятка». Притормозила у соседнего дома. Из неё вышла пара: мужчина в длинном пальто и женщина, лицо которой скрывал капюшон дорогой, не по сезону лёгкой парки. Не разговаривая, быстрым шагом они направились в соседний дом. Любопытство кольнуло, но он лишь передёрнул плечами и потёр руки – холод проникал сквозь шерстяные перчатки. Любопытство было оправданным, так как городок маленький, все новые лица на виду, а сейчас, пятнадцатого января, сезон не туристический. Даже на смотровую площадку – ту, что за городом на высоком холме, не пробраться из-за снежных заносов. Соседний дом после смерти хозяина – столетнего деда, стоял пустым последнее время. За ним присматривала мамина подруга Анна Васильевна.

Закончив расчищать снег, Леонид вернулся в дом. Сидя за столом в уютной кухоньке, с блаженством согревал руки о

большую синюю кружку, наполненную горячим ароматным чаем. Мама привычно суежилась у жарко натопленной печки, доставая из духовки румяные пирожки:

— Кушай, сынок. Твои любимые.

— Мам, ты мне их собери с собой. Пойду поработаю дома. Новый год по старому мы с тобой встретили, пора и делами заняться.

— Да я, сынок, собрала уже и пироги с первого противня, и холодец, и салатиков свежих понаделала. На сытый то желудок лучше работается.

— Мам, ты у меня самая лучшая мама. Я тебе об этом говорил?

— Говорил, сынок, говорил. С самого детства об этом говорил.

К себе, в квартиру в переулке Антикваров, Леонид направился в приподнятом настроении. Его привычный маршрут вёл мимо особняка Воронцовых по дороге к порту, который встретил гробовой тишиной. Гигантские подъёмные краны застыли в неестественных позах, как скелеты доисторических птиц. На ржавом каркасе одного из них кто-то вывел баллончиком: «Здесь был Вася. 01.01.2026». Свернул налево, на пустынную набережную реки Серебрянка. Широкая река, скованная льдом, лежала неподвижным свинцовым полотном. На перилах болтался забытый кем-то клетчатый шарф – одинокий штрих цвета в монохромном мире. Леонид шёл, и ему казалось, что город затаился, прислушива-

ясь к чему-то. К его шагам по хрустящему снегу? Или к чему-то другому? Наконец, он свернул в свой переулок. Замедлил шаг, бросая привычный взгляд на витрины антикварных магазинов. Старые книги, иконы, сервизы, военные медали

И тут его взгляд зацепился. В глубине затемнённой витрины между потускневшим самоваром и парой столовых серебряных ложек, стояли часы. Настольные, в корпусе из тёмного, почти чёрного дерева, украшенном резьбой в виде переплетающихся ветвей. Но не это привлекло внимание. У этих часов на циферблате было семнадцать делений. И всего одна стрелка. Сердце гулко забилося. Леонид прильнул к стеклу, затаив дыхание. Эта странная семнадцатеричная система. Он видел подобное в архивных фотографиях так называемых «тартарийских артефактов» – вещей, чьё происхождение официальная история объяснить не могла или не хотела. Это была не просто старинная вещь. Это была аномалия. Физическое воплощение той самой истории, которую он пытался восстановить по крупицам. Он машинально потянулся к ручке двери, но та была заперта. Выходной день. Леонид отошёл от витрины. Было ощущение, что единственная стрелка на часах показывала не «застывшее» время, а указывала направление его исследований. И теперь он, Леонид Завалишин, вернувшийся в родной город за тишиной и вдохновением, чувствовал, как эта тишина наполняется новым смыслом. История, которую он искал в пыльных фолиантах, возможно, только что материализовалась в витрине в

двухстах метрах от его квартиры. Тишина морозного утра больше не казалась обычной тишиной. Леониду она напоминала затишье перед чем-то неизвестным.

Глава 2

Мысль о том, что в соседней антикварной лавке находится предмет, приближающий к многолетним поискам таинственной Тартарии, не давала уснуть. Леонид отдавал себе отчет, что старинная вещь не может стоить дёшево. Нужно оформлять кредит. Совсем некстати вспомнилось о сроках сдачи отчёта. Нет, терять деньги на неустойке по договору он, конечно, не будет. Работа будет сдана в срок. А часы... Вряд ли в их городке найдется богач и выкупит дорогую безделушку прямо сегодня. Соня не в счет – её интересуют только станционные часы. Так что надо попытаться уснуть.

А через день утро семнадцатого января началось с новости, которая заставила Леонида пролить утренний кофе на клавиатуру. Заголовок в электронной версии «Серебрянки-24» буквально кричал: «Взлом без кражи в сердце исторического квартала». Сообщалось, что шестнадцатого января между часом и четырьмя ночи была вскрыта дверь антикварной лавки «Феникс». Сигнализация сработала с опозданием. Прибывшая полиция и владелица не обнаружили пропав. Но на центральном столе лежал предмет, которого раньше в лавке не было: потрёпанная фарфоровая кукла в платье конца XIX века. Она сидела, прислонившись к стопке книг, «словно наблюдала за беспорядком», — поэтично добавлял журналист.

Леонид вытер клавиатуру. Сердце колотилось. Часы. Его часы. Он ещё вчера оформил в банке кредитную карту с повышенным лимитом. Редкая для него спонтанность, вызванная навязчивым образом семнадцати делений и страстным желанием быть обладателем редких часов. Но срочная работа немного сдвинула планы. Он представлял, как придёт, торгуется, заберёт артефакт. Но этот взлом! Как это возможно? И действительно ли часы на месте в антикварной лавке? На том самом месте, где он их видел позавчера.

К десяти утра Леонид уже стоял перед «Фениксом». На двери, обитой потёртой кожей, висела табличка «Открыто». Колокольчик печально звякнул при входе Леонида в помещение. Огляделся. Почувствовал специфический запах старых вещей. Из высокого окна падал свет, прорезая полумрак, в котором плыли мириады пылинок. Полки, ломящиеся от фарфора, книг, ламп и безделушек, казалось, спросили со стенами, образуя причудливый монолит. В глубине, за массивным прилавком из тёмного дерева, стояла женщина. Это была хозяйка лавки Василиса. На вид ей лет тридцать. Складывалось впечатление, будто она сошла с одной из старых фотографий, что лежали хаотично под стеклом витрины. Спокойное, почти отрешённое лицо. Волосы, собранные в небрежный узел, из которого выбивались светлые пряди. На ней было длинное платье неопределённого серо-зелёного цвета, напоминающего цвет высохшего осинового листа.

Женщина изучающе смотрела на Леонида, пытаясь определить: покупатель или очередной зевака перед ней.

— Здравствуйте, — Леонид подошёл к прилавку, смутился — голос в тишине прозвучал громче, чем он ожидал. — Я по поводу взлома. И настольных часов.

— Часы целы, — ответила Василиса. Голос у неё был тихий, ровный, без интонаций. — Они в витрине. Никто их не трогал.

Она провела его вглубь лавки. Часы стояли на прежнем месте, за стеклом, рядом с самоваром. Стрелка по-прежнему указывала вверх, где был символ башни. Леонид облегченно выдохнул, не осознавая, что до этого затаил дыхание.

— Можно взглянуть ближе?

Василиса кивнула, достала ключ и открыла заднюю стенку витрины. Вынула часы и поставила их на прилавок. Вблизи резьба казалась ещё удивительнее: переплетения ветвей напоминали то ли необычный орнамент, то ли странную схему. Дерево корпуса было тёплым на ощупь.

— Откуда они здесь? — спросил Леонид, не в силах скрыть любопытство.

— Принесли. На комиссию. — Василиса смотрела не на часы, а на его руки, которые осторожно водили по резьбе.

— Кто?

— Мужчина. Не местный. Месяц назад. Попросил попридержать. Сказал, вернётся за ними.

— А он не оставил контактов? Имени?

— Нет. — Её взгляд наконец встретился с его взглядом. Глаза были светлыми, прозрачными, в них читались искренность и безразличие. Даже обычного человеческого любопытства в них не было. — Он заплатил за хранение на два месяца вперёд. Наличными.

— А кукла? — не удержался Леонид, покосившись на полку, где сидела подкинутая реликвия.

Тонкие губы Василисы слегка раздвинулись, изображая намёк на улыбку:

— Кукла старинная. Её посадили смотреть за порядком. Следить, чтобы больше не лазили, — неуклюже попыталась пошутить она.

Леонид встретился взглядом с безразличными глазами куклы — светлыми, прозрачными, как у хозяйки лавки, и почувствовал неприятный холодок между лопаток. Казалось, она наблюдает за ним и только делает вид, что ей всё безразлично. Он достал телефон:

— Можно сфотографировать часы? Я интересуюсь историей.

— Фотографируйте. Но продать не могу. Договор.

— А если я предложу больше, чем часы оценены? У меня есть — сделал попытку сторговаться Леонид.

— Не в деньгах дело, — перебила она мягко, но так, что все дальнейшие торги становились бессмысленными. — В обещании. Я обещала попридержать на хранении. — Она снова посмотрела на часы, и её взгляд стал каким-то отстра-

нённым. — Они не для продажи. Они ожидают своего хозяина.

Это прозвучало как окончательный приговор. Василиса дала понять, что разговор окончен и покупка невозможна. Леонид сделал десяток снимков под разными углами, стараясь запечатлеть каждый символ на циферблате, поблагодарил и вышел на морозный воздух.

После полумрака лавки отраженный от снега свет показался ослепительно ярким и резал глаза. Он стоял в переулке, листая в галерее телефона фото. Два вопроса лихорадочно крутились в голове и не давали ему покоя. Действительно ли часы — артефакт таинственной Тартарии? Как выйти на хозяина часов? Ведь Василиса четко дала понять, что не будет сообщать о собственнике и его визите за часами.

Для ответа на первый вопрос нужен был эксперт. Имя всплыло само собой. Софья. Соня-Путеец, как звали её горожане между собой. С ней Леонид учился в одной школе, их интересы совпадали и сводили вместе на олимпиадах по истории. Соня была целеустремленной, знала всё лучше всех и умела добиваться своего. Вот и коллекция станционных часов у неё была самой полной среди известных коллекционеров.

Не откладывая визит, Леонид направился к железнодорожному вокзалу. Зайдя в него, поймал себя на мысли, что вокзал Серебрянки был полной противоположностью лавке

«Феникс». Здесь время проносилось стремительно скорыми поездами, подчиняясь чёткому графику. «Ласточки» ненадолго задерживались, меняя вечно спешащих пассажиров на прибывших и отъезжающих. Чистые полы, приятный голос диктора, объявляющий о прибытии очередной электрички, запах кофе из станционного буфета.

Леонид прошёл через полупустой зал ожидания к служебной лестнице. Кабинет начальника вокзала был на втором этаже, с окнами на перрон. Дверь была приоткрыта. Заглянул. Внутри царил идеальный порядок: на стене – электронное табло с расписанием, на столе – два монитора, стопки документов, разложенные по линейке, на полке – несколько фотографий старинных станционных часов. Софья сидела спиной к двери, разговаривая по телефону. Её голос был чётким, без суеты, но с той самой стальной ноткой, которая заставляла подчинённых вытягиваться в струнку.

— Нет, Михаил Сергеевич, я понимаю ваши доводы, но пока у нас нет гарантий по финансированию из центра, все разговоры о скоростном маршруте – спекуляции. Мне нужны цифры, а не обещания. Да. Сегодня к вечеру. Спасибо.

Она положила трубку, обернулась и на секунду замерла. В её карих глазах промелькнуло удивление, быстро сменившееся узнаванием и, наконец, деловая вежливость.

— Леонид? Завалишин? — Она встала, поправила строгий пиджак. — Неожиданно. Что случилось?

— Привет, Соня. Не случилось. Скорее нашлось. — Он

почувствовал себя неловко. Как же – нарушитель безупречного распорядка. — Можно пару минут отнять? По старой памяти. Вопрос по части твоего хобби.

В её глазах вспыхнул интерес. Кивнула на стул напротив: — Часы? Показывай.

Леонид сел, достал телефон, нашёл лучший снимок: — Видела такие?

Софья взяла телефон, прищурилась. Её профессиональная деловая маска спала, сменившись живым, жадным интересом знатока. Она увеличивала изображение, водила пальцем по экрану, изучая детали.

— Семнадцать делений Одна стрелка — пробормотала она. — Мастеровито. Очень. Дерево – морёный дуб, возможно. Символика не геральдическая. Не астрологическая в чистом виде. — Она подняла на него взгляд. — Где это?

— В «Фениксе». На комиссии. Взламывали прошлой ночью, их не тронули, но подбросили какую-то куклу.

Софья отложила телефон, подошла к стеллажу, взяла толстый каталог аукционов. Быстро пролистала.

— Подобного не встречала в официальных каталогах. Но — Она задумалась. — Была легенда. Слух, скорее. Года три назад на одном из закрытых форумов коллекционеров упоминали «часы пустоши» или «часы иного отсчёта». Описание смутное, но речь шла о нестандартном делении циферблата. Считалось мистификацией. Где-то у меня даже сохранилась.

Она села за компьютер, пальцы запорхали по клавиатуре. Леонид смотрел, как она работает. Это была другая Софья — не начальница вокзала, а исследователь, охотница за редкостью.

— Вот, — она повернула монитор. На экране был скриншот старой переписки с размытой фотографией часов, отдалённо напоминающих те, что были у него на телефоне. — Обсуждение шло в ветке про неучтённые грузы дореволюционного периода. Кто-то утверждал, что такие вещи могли приходить в наши порты как «научная диковина» и оседать в частных коллекциях.

— Вот бы узнать откуда эти часы в нашем городе! — порывисто воскликнул Леонид, чувствуя, как его азарт исследователя начал синхронизироваться с её азартом коллекционера.

— Это сложнее. Но... — Софья перевела взгляд на свои мониторы с камерами. — Если твой таинственный комитент приехал в город, он сделал это либо на поезде, либо на машине. Машины нам не отследить. А поезда — На её лице появилось что-то вроде вызова. — У меня есть доступ к архивам камер за последние два месяца. И к пассажирским листам «Ласточки». Но, если он платил наличными за хранение часов, возможно, и билет брал за наличные, без электронной регистрации. Тогда это сложнее. Надежда на камеры — они на вокзале видят всех.

— Ты это сделаешь? — не поверил своим ушам Леонид.

— Мне это стало интересно, — просто сказала Софья. — И ещё, пока ты говорил, я вспомнила одну странность в архивах. Совсем свежую. Пятнадцатого декабря, утренняя «Ласточка». Камеры на выходе с перрона зафиксировали всего одного пассажира — мужчину в длинном пальто. Лицо размыто из-за шапки. Он вышел, но его больше не видно на при вокзальной площади. Будто растворился. В списках на тот рейс прибывших пассажиров не было. Мы списали тогда на технический сбой, — Она посмотрела на фото часов, затем на Леонида. — Но совпадениям я не верю. Дай мне несколько дней. Я покопаюсь.

Леонид вышел из вокзала с чувством, что земля уплывает из-под ног. Он получил больше, чем надеялся: не только экспертизу, но и союзника в поисках владельца часов. Теперь он знал эту странную историю о пассажире-призраке, прибывшем как раз в тот день, когда, по словам хозяйки антикварной лавки, ею были приняты часы.

Изображение башни на часах не давало покоя. Что-то подобное он где-то уже видел. На следующий день ближе к вечеру, не в силах усидеть дома, Леонид отправился в библиотеку. Старое здание с колоннами, тишина читальных залов, шелест страниц. Всё знакомо здесь. Он попросил у библиотечарши самые старые карты Серебрянки и окрестностей. Уже не один раз за время своего увлечения историей, внимательно их изучал.

Пожилая женщина с усталыми глазами принесла ему

несколько увесистых папок. Он разложил их на большом дубовом столе под зелёной лампой. Карты XIX века, планы застройки, схемы владений. Водил пальцем по линиям улиц, искал знакомые очертания, пока его взгляд не упал на план города 1823 года. В уголке карты, рядом с условными обозначениями, была маленькая, едва заметная гравюра: вид на город со стороны реки. И там, на самом высоком холме, где сейчас была смотровая площадка, стояла не беседка и не крест. Там была башня. Невысокая, каменная, с остроконечной крышей. Подпись гласила: «Меридианная вышка. 1798 г.»

Леонид замер. Башня. Как тот самый символ, на который указывала единственная стрелка часов. Он вытащил телефон, открыл фотографию циферблата, увеличил изображение. Да, почти полное совпадение. Стрелка указывала не на абстрактный символ. Она указывала на конкретное место. На то, что когда-то существовало, а потом было стёрто с карт и из памяти. Он перевернул лист. На обороте карты кто-то чернильным карандашом подписал: «Вышка снесена по ветхости в 1887 г. Важное с оной передано в имение В-х.»

Так, имение В-х. – Воронцовых. Леонид медленно закрыл папку и уставился невидящим взглядом в окно. За окном библиотеки уже стемнело. Фонари на улице зажглись, отбрасывая жёлтые круги на синий снег. Тишина Серебрянки, которую он так любил с детства, больше не казалась безмолвной. Она наполнилась тайнами старых карт, тиканьем часов

с неправильным циферблатом, шагами призрачного пассажира и тихим голосом Василисы: «Они ждут хозяина». Леонид осознал, что его поиски Тартарии перешли в новую фазу. Кончилось ожидание сенсации. Началось расследование. И первая ниточка вела от несуществующей уже башни к особняку, в окне которого иногда шевелилась старая потрёпанная штора. К Воронцовым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.